

Злата Хитрова

СТИПЕНДИАТКА
для наследника

Цена непокорности

Злата Хитрова

**Стипендиатка для наследника.
Цена непокорности**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Стипендиатка для наследника. Цена непокорности / З. Хитрова —
«Автор», 2026

Я поступила в элитную академию, чтобы создавать протезы для животных. Но в первый же день разбила экспериментальный экзоскелет стоимостью двести тысяч рублей. Глеб Волков, богатый наследник и капитан студсовета, поставил ультиматум: год бесплатной работы в его лаборатории или отчисление. Он унижал меня перед однокурсниками, проверял каждый шаг и думал, что я сломаюсь. А потом дочь ректора украла мою разработку и получила за неё все аплодисменты. Глеб знал правду. И позволил этому случиться. Теперь у меня есть доказательства заговора, секреты его семьи и выбор: уничтожить человека, которого я ненавижу, или поверить, что он способен измениться. Но кому достанется моя свобода?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Злата Хитрова

Стипендиатка для наследника.

Цена непокорности

Глава 1

От рюкзака пахло дешёвой синтетикой; я вцепилась в лямку, чтобы не теревить край стипендиального удостоверения. В «Академии биотехнологий и зоопсихологии» даже корзинки для бахил были металлические, с педалью. Я нажала на неё, чтобы не хвататься за крышку: вдруг и за отпечатки тут выставляли счёт. Дома цену такой корзинки переводили бы в корм для коровы.

В удостоверении значилось «стипендиатка», и я прочла это слово ещё раз, пока натягивала бахилы. Значит, пропустят. Значит, до станка и нормального стенда для моей курсовой осталось две двери. Я хотела сделать протез, с которым собака сможет наступать на лапу, а не красивую железку для защиты. Ради этого и приехала.

Лаборатория биомеханики была пуста. Или мне так показалось.

Протиснулась внутрь и задержалась у двери, прижав к ней рюкзак. Боялась задеть оборудование раньше, чем узнаю, что здесь вообще разрешено трогать. Посреди зала, за длинным столом, заваленным чертежами и деталями, сидел парень. Я сперва заметила механизм, похожий на экзоскелет для собаки, и только потом парня над ним. Он снял винт, придерживал соединение большим пальцем, положил винт в отдельную ячейку. Ни одной потерянной шайбы. Хотелось подойти и рассмотреть ближе. Приходилось напоминать себе: чужой стол, чужая работа, и хозяин ещё не сказал даже «заходи».

На фотографиях студсовета он стоял посередине. Глеб Волков, капитан. Я тогда ещё посмеялась над должностью: капитан у них здесь, плавать, что ли, учатся? В лаборатории смеяться расхотелось. Он прищурился над винтом, а я всё стояла в дверях, дожидаясь хотя бы кивка.

— Выключи свет, — сказал он. — Ты мешаешь фокусировке.

Он обращался ко мне, хотя так и не взглянул. Я потянулась к выключателю возле двери.

— Я... я просто смотрела.

Начала громко, закончила почти шёпотом. Он повернул механизм к окну, предоставив мне самой решить, что делать дальше.

Отступила, пропуская рюкзак между собой и дверью, и задела локтем стойку. Второй прототип, карбоновая рама с платой на боку, качнулся на краю. Я увидела открытое крепление — он упадёт прямо на него! — и рванулась вперёд.

Я бросилась ловить его обеими руками, но подхватила только край рамы. Он выскользнул, ударился шарниром о плитку. Треснул карбон, по полу раскатились болты. Один остановился у моего носка.

Не трогать. Хотя бы теперь ничего не трогать. Я отняла ногу от болта и посмотрела на парня. Извинение уже было готово; сказать его почему-то не получалось.

Глеб выпрямился, оставив отвёртку на столе. Сначала я следила за его руками: ударит? Потом он повернулся, и пришлось поднять глаза. Он ждал, пока я заговорю. Я вдохнула, проглотила воздух и опять промолчала.

Уголок его рта дрогнул. Я стиснула лямку сильнее: только бы не дать ему увидеть ещё и слёзы. Пусть хоть думает, что я не умею извиняться.

— Объясни, — сказал он тихо.

— Я не знала, что оно хрупкое! — вырвалось у меня, и я сразу пожалела об этом. Звучало жалко. Деревенски.

Его губы искривились в подобии усмешки. Дверь лаборатории распахнулась с грохотом, и внутрь ворвался поток свежего воздуха вместе со смехом и перестуком каблуков. Во главе толпы шла Дарья Соколова, дочь ректора и королева нашего курса. Идеальная укладка, идеальный макияж, идеальная ненависть в глазах.

Она остановилась, осмотрела осколки на полу, потом перевела взгляд на меня.

— О боже, — протянула она с театральным ужасом. — Что это у нас? Новенькая решила починить мир своим деревенским умением?

Толпа захихикала. Кто-то из парней фыркнул: «Элитная технология для быдла». Я посмотрела на его обувь. Белые кроссовки, даже подошва белая. Мой болт лежал у самого носка; парень пнул его под шкаф. Ну конечно. Здесь вещи портила только я.

— Ты бы хотя бы не... — начала я. Но прежде чем я успела закончить, Глеб поднял руку. Один короткий жест. Пальцы сомкнулись в кулак.

Смех стих. Парень в белых кроссовках отошёл от шкафчика. Дарья приготовилась что-то сказать Глебу, но тот отвернулся от неё. Я даже успела обрадоваться: сейчас велит им выйти, и я хотя бы смогу собрать обломки без камер. Он оставил всех в лаборатории.

— Ущерб составляет двести тысяч рублей, — произнес Глеб, глядя только на меня. — Стоимость двух лет обучения или год бесплатной работы в моей лаборатории под моим личным контролем. Выбор за тобой, Алиса.

— Нет.

Дарья посмотрела на Глеба, ожидая ответа. Я понимала, как это выглядит: сбила дорогую вещь и теперь ещё спорю. Но целый год быть его бесплатной помощницей?

Глеб вынул телефон. Я увидела слово «Папа» на экране, прежде чем он развернул аппарат от меня и включил громкую связь.

— Папа, — сказал он мягко. — Тут такая ситуация. Студентка-стипендиатка испортила государственное имущество. Придется оформлять дисциплинарное взыскание. Возможно, отчисление. Да, прямо сейчас.

В трубке что-то ответили. Я не разобрала слов — только то, как спокойно Глеб кивнул. У меня дома ещё не знали, что я добралась до лаборатории. А я уже должна была позвонить и сказать: забирайте обратно. Объяснить, куда делись стипендия и место, за которое я дралась на вступительных.

— Хорошо слышно? — спросил он, убирая телефон.

Я ненавидела его за этот вопрос больше, чем за двести тысяч. Он видел, что слышно.

— Хорошо. — Я сказала это телефону, не ему. — Я согласна. Но есть условие.

— Условия диктую я, — перебил он.

— Я буду работать только ночью, — сказала я твердо, хотя ноги подкашивались. — Чтобы не видеть лиц однокурсников. Чтобы не быть посмешищем днем.

Глеб сделал шаг ближе. Я чувствовала запах его дорогого одеколона и табачного дыма.

— Нет. Ты будешь присутствовать на дневных лекциях и в лаборатории. Мне нужно контролировать процесс возмещения ущерба лично. Твое унижение — часть оплаты, Алиса. Твой страх — моя мотивация.

Я уставилась на ворот его рубашки, чтобы не смотреть в лицо. Хотелось хоть раз сделать ему так же стыдно. Он собирался держать меня возле стола целый год? Хорошо. Я запомню, где что лежит. Выучу его работу лучше него. И если он хочет мышь, он получит крысу — ту, которая перегрызёт провода.

Пока пришлось наклониться и поднять болт. Глеб не помог.

Глава 2

Первый рабочий вечер начался с оскорбления.

Вечером он посадил меня спиной к двери. Я передвинула стул боком, чтобы видеть выход, и стала ждать задания. Глеб стоял у окна; в стекле отражались и мой стол, и коробка передо мной. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы проверить, чем я занята. На столе передо мной лежала коробка с мелкими деталями: винты, шайбы, коннекторы. Разноцветные, разнокалиберные.

— Отсортируй по цветам и размерам, — приказал он, не поворачиваясь. — Аккуратно. Каждая деталь на счету.

Я заглянула в коробку. Коннекторы, шайбы, крепёж. Если сортировать только по цвету, одинаковые с виду разъёмы потом легко перепутать. Так и хотелось сообщить ему это с выражением.

— По размерам, значит, — повторила я.

Он даже не кивнул. Ладно. Я разложу, как надо, и посмотрим, к чему он придерётся.

Синюю шайбу положила слева, крепёж — ближе к коробке. У двух одинаковых коннекторов оказалось разное число контактов. Я повернула их, сравнила ещё раз и отвела отдельное место. Хотелось, чтобы он спросил, почему. Можно было бы ответить без дрожи: потому что один сюда не подходит, а я это вижу.

Через десять минут в коробке ничего не осталось. Я провела пальцем по последней ячейке — вдруг завалился ещё один винт — и придвинула стул к столу.

Подвинула коробку, чтобы он видел все ряды. Серебряные гайки отделила от шайб, разъёмы повернула контактами в одну сторону. Так собирают, а не играют в цвета.

— Проверьте, — сказала я. Самой хотелось услышать хотя бы «сойдёт». Злилась на себя за это желание и всё равно ждала.

Глеб отвернулся от окна и подошел к столу. Он задержался у двух коннекторов, и я уже открыла рот для объяснения. Глеб провёл ладонью над столом, выбрал серебряную гайку и стряхнул её под шкафчик. Соседняя шайба даже не сдвинулась. Он проделал это так аккуратно, что я сперва не поверила: нарочно?

— Неаккуратно, — сказал он сухо.

Я посмотрела под шкафчик, потом на него. Ключ от лаборатории висел у него на пальце. Он мог запереть меня здесь с коробкой, а мог выслушать. Судя по тому, как он крутил ключ, выслушивать не собирался.

— Там всё идеально сложено! Это была одна деталь!

— Одна деталь означает отсутствие контроля, — отрезал он. — Переделывать. Сначала.

Он развернулся и вышел из лаборатории, хлопнув дверью. «Иду перекурить», — бросил он напоследок.

Я посмотрела на закрытую дверь. Наклониться за гайкой — это ещё согласиться, что он прав. Пока оставила её под шкафом.

Обломки прототипа лежали возле стойки. Подошла к ним, присела и стала сравнивать треснувшее крепление с целым. Работать над его ошибкой казалось полезнее, чем переукладывать собственную работу по его прихоти.

Посмотрела на схему крепления сервопривода, которая была напечатана на бумаге рядом с обломками. Вся нагрузка приходилась на один шарнир. Рядом оставалось место для второй опоры. Я приложила к чертежу целый обломок, перевернула: вот куда можно перенести крепление. Если бы нагрузку распределили между двумя шарнирами, этот узел выдержал бы удар лучше. Я столкнула прототип — от этого не отвертеться. Но треснувшее крепление было его просчётом, и платить за двоих я не собиралась.

Я ещё раз посмотрела на дверь. Он хоть видел, где сломалось? Назвал цену раньше, чем поднял с пола раму. Мне хотелось заставить его присесть здесь рядом и объяснить, почему он выбрал такой узел.

На доске для заметок лежал мел. Я взяла его, но рисовать там не стала — он увидит с порога. На стене за стеллажом нашёлся свободный участок.

Сначала вывела его узел. Рядом — свою опору. Не то. Стерла рукавом, перенесла линию чуть выше. Когда наконец получилось, отошла на шаг, прикрывая рот испачканной рукой. Вот теперь можно собирать. И теперь у меня был ответ на его «неаккуратно». Хотелось дождаться его и показать. Очень хотелось.

Я уже представляла, как покажу ему вторую опору. А что он скажет? «Кто разрешил»? Выставит ещё один счёт — за исписанную стену? Я стала искать, чем стереть мел, хотя стирать было жалко.

Вдруг в коридоре послышались шаги. Быстрые, неуверенные.

Я схватилась за край стола, инстинктивно заслоняя стену телом. Дверь открылась. Но это был не Глеб.

На пороге стоял Матвей Лунин. С факультета ветеринарии. На лекциях для него всегда оставалось место у прохода: рядом никто не садился. Матвей держал книги обеими руками. Я заслоняла рисунок плечом, но бесполезно: нижняя линия выглядывала из-за локтя. Он посмотрел на неё и переложил книги под мышку.

— Стираешь?

— А ты как думаешь?

Он достал платок. Сложил вдвое, чистой стороной наружу, и протянул мне. Я ждала, что сейчас попросит показать схему, а он даже не заглянул за моё плечо.

— У тебя руки белые, — сказал он тихим, спокойным голосом. — Глеб вернется через минуту.

— Испачкаю, — предупредила я.

— Для этого и дал.

Я взяла платок. Матвей встал у двери, оставив мне место у стены. Никто сегодня ещё не делал для меня настолько удобной вещи.

Я быстро стерла мел со стены, но полностью очистить не успела. Осталась едва заметная белая полоса.

Дверь снова открылась. Глеб вернулся. От его одежды пахло сигаретами; я успела убрать руку от стены, но спрятать платок уже не могла. Он прошёл мимо Матвея и остановился так, что закрывал мне выход. Я всё ещё держала мокрый край ткани.

Глеб задержался на белой полосе. Я спрятала испачканный край платка в кулак. Он перевёл взгляд на Матвея, потом снова на стену.

— Детали переделала?

— Гайка под шкафом, — ответила я. — Та, которую вы стряхнули.

Матвей притиснул книги к груди. Глеб долго смотрел на меня, но повторить приказ при свидетеле почему-то не захотел.

А я, стоящая рядом с изгоем, с еще влажными от страха руками, впервые за сегодня улыбнулась. Не широко. Криво. Зло.

Игра началась.

Запах «Шанели» ударил в ноздри так, что я проснулась с диким сердцебиением. Так пахло на развале у метро, где продавали флаконы с золотыми крышками. Я ещё не открыла глаза и уже злилась: кто надушился в моей комнате, пока я спала? Щелчок затвора камеры заставил меня резко сесть в кровати.

Дарья Соколова стояла посреди моей комнаты — если можно назвать комнатушку общежития с протекающим краном словом «комната». Вокруг неё крутились две верные прили-

палы, листая мои конспекты по биомеханике с таким видом, будто трогали дохлую крысу. На полу валялись мои грязные носки и помятая тетрадь.

— Убого, — протянула Дарья, не отводя телефона. Она даже не смотрела на меня, фиксируя кадр: растрёпанная шатенка на продавленной койке. — Стипендиатка из глубинки. Я думала, вы живёте в подвале вместе с лабораторными мышами. А тут целых десять метров на человека. Роскошь.

Я натянула одеяло на колени. Дарья наклонила телефон, выбирая кадр. До чего же хотелось врезать по этой аккуратной кисти. Вместо этого я забрала у её подруги конспект и принялась собирать листы.

— Верни последний, — сказала я.

Та придержала страницу двумя пальцами. Я выдернула её, не дёрнув головой к камере. Пусть снимают, как я собираю тетрадь. Рыдания для сторис у меня кончились ещё вчера.

Дарья фыркнула, разочарованно убрав телефон, и сделала то, чего я не ожидала. Она села на мою кровать. Прямо поверх простыни, которую я стирала вручную три раза. Уличным подолом по чистому. Я потянула простыню на себя, но Дарья только удобнее устроилась.

— Подпиши, — она бросила передо мной лист бумаги. Бумага пахла её парфюмом. — Отказ от участия в студенческом совете и признание Глеба Волкова единственным руководителем проекта экзоскелета. Добровольно. Иначе слухи о том, кто ты такая на самом деле, полетят быстрее, чем ты успеешь моргнуть. Про преподавателя Игнатова... про то, как ты «учишься» на его лекциях.

Я прочла фамилию Глеба. Значит, вчерашних двухсот тысяч им мало. Теперь хотели, чтобы я сама написала: всё, что соберу за его столом, принадлежит ему.

— А Игнатов знает, что ты используешь его фамилию?

Дарья придвинула лист ко мне.

— Хочешь узнать?

Вот этого хотелось меньше всего. Но свой чертёж я ей не отдам.

Внизу оставили место для моей подписи. Даже клеточки, чтобы я не вылезла за край. Я проследила ногтем по строке «добровольно». За мной стояли две её подруги, на кровати лежал телефон с камерой. Хорошая у них добровольность.

Дарья протянула ручку. Я не взяла.

— Нет, — сказала я тихо.

И порвала бумагу прямо перед её носом.

Я сдвинула к себе открытую коробку с косметикой, которую Дарья поставила на мой стол. Уронила бумажные клочки прямо в неё. Один застрял между помадами, второй лёг на пудру.

Дарья посмотрела в коробку, потом на мои руки. Я порвала последний кусочек помельче и добавила сверху. — Ты... ты осмелилась? — её голос сорвался на визг. — Выбери всё! Немедленно!

Блондинка за Дарьиным плечом приблизилась. Я успела поставить ступни на пол, прежде чем она навалилась на меня. Оттолкнула её руку, встала, и она снова рванулась вперёд — уже царапнула по щеке. Я схватила её за предплечье и повернулась боком. Её собственный толчок унёс её к столу.

Блондинка зацепила локтем ноутбук Дарьи, и тот с грохотом свалился со стола. Я обернулась на звук и на секунду осталась стоять. Ужасно, конечно. Дорогая вещь. Чужая вещь. Но какое же у Дарьи стало лицо!

Она закричала на подругу, и я воспользовалась этим: схватила рюкзак и выскочила в дверь. Пока виноваты друг перед другом, меня хотя бы не держат за руки.

В коридоре едва не врезалась в Глеба. Он вышел из комнаты напротив и держал дверь открытой. На миг мне даже захотелось юркнуть за него — там никого из Дарьиной свиты.

Глеб посмотрел на мою щёку. Я вытерла её тыльной стороной ладони и увидела кровь. Из комнаты Дарьи донеслось «ты вообще куда смотрела?!». Он перевёл взгляд туда.

— Я иду на лекцию, — сказала я, прежде чем он спросил. И обошла его.

Я не стала ждать разрешения уйти. Я побежала.

Глава 3

На лестнице я перепрыгивала через ступеньку. У самой двери тётя Зина выставила передо мной локоть. Я притормозила, едва не зацепив её рюкзаком. Она прижимала к уху трубку; из неё доносился визг Дарьи.

— По правилам нельзя покидать крыло во время конфликта, — отчеканила Зина, блокируя выход. — Ждите декана.

За Зиной были стеклянная дверь и двор. Оттуда уже шли к учебному корпусу, а я всё объясняла, что тоже должна попасть на лекцию. Она переставила ногу, закрывая проход.

— Я же не прошу вас разбирать драку, — сказала я. — Мне на этику.

Зина отвернула от меня трубку. Видимо, Дарье было важнее меня слышно.

Пальцы дрожали. Воздуха не хватало.

— Пункт 4.2 устава общежития, — раздался тихий голос справа.

Матвей Лунин. Он сидел на подоконнике, читая книгу, хотя вокруг кипели страсти. Он не встал, не вмешался физически. Он просто начал читать вслух, монотонно и громко, цитаты о свободе передвижения студентов вне учебных часов.

— Лунин, помолчи! — Зина повернулась к подоконнику, всё ещё держась за трубку.

Матвей стал читать громче. Я протиснулась между её локтем и дверью, рюкзак застрял на секунду. Дёрнула ляжку — и выскочила во двор. За спиной Зина требовала немедленно вернуться. Матвей перечислял следующий пункт. Я могла бы расцеловать этот пункт, будь у него лицо.

До звонка оставалось две минуты. Я нашла место у задней парты, вынула конспект, разгладила загнутый угол. По нему прошла Дарьяна подруга. Из переднего ряда смотрели на мою щёку, и я заслонила её ладонью, будто задумалась.

Игнатова положила журнал на кафедру и сразу спросила: — Кто сегодня готов выступить с докладом о границах вмешательства в частную жизнь животных? О праве человека на вторжение?

Дарья подняла руку первой. Уже успела добраться и занять место впереди. Я наклонилась над конспектом: пусть выступает. Игнатова пропустила её руку и назвала меня.

— Алиса? Твои руки свободны. Говори.

Дарья повернулась вполоборота, чтобы видеть меня. Рядом с ней уже приготовили телефон. На балконе сидел Глеб — локти на перилах, подбородок на сложенных руках.

Я посмотрела на пустую строчку в конспекте. Успела написать только тему. Вот и весь мой доклад. А вставать всё равно пришлось.

Я встала, придерживая конспект за край. Готового доклада не было. Зато за это утро набралось достаточно примеров того, как поступают с теми, кто не может отпихнуть чужую руку. Начала с животных. На людей переходить собиралась осторожно — получилось не очень. — Человек считает себя хозяином мира. Мы ставим опыты на мышах, потому что они слабые. Мы строим золотые клетки для тех, кто нам мешает, называя это защитой. Но зверь в клетке не становится домашним питомцем. Он становится мёртвым. Или опасным. Выбор всегда за тем, кто держит ключ.

Я замолчала, ожидая вопроса Игнатовой. Она поправила очки. Дарья успела заговорить раньше неё.

— Вульгарно, — раздался смех Дарьи. Она встала, грациозно поправляя юбку. — Неэтично. Сравнивать людей с лабораторными грызунами? Это признак деградации ума, присущей тем, кто привык жить в грязи.

Где-то повторили «деградация» и засмеялись. Я стояла между рядами и уже не знала, куда девать руки. Игнатова перелистнула бумаги. Сейчас возразит? Нет, попросила открыть следующую страницу.

Села я так неловко, что зацепила коленом парту. Дарья обернулась на стук и улыбнулась. Вот этот маленький взгляд был хуже её речи.

В перерыв закрылась в туалетной кабинке. Присела на крышку, выждала, пока выйдут девушки у раковин. Мне нужно было вымыть щёку, но возле зеркала пришлось бы отвечать, кто меня так отделал.

Когда стало тихо, вышла. Холодная вода зашипала царапину; я промокнула её мокрым пальцем, чтобы не содрать засохшую кровь.

Дверь ударилась об ограничитель. Я обернулась от раковины: Дарья вошла одна. Вытянула руку с телефоном. На экране блондинка летела к столу. Начала запись прямо с этого — как меня толкали до того, в кадр не вошло. — Сделка, Алиса. Публично признаёшь, что спровоцировала драку сама. Что украла идею экзоскелета. Иначе это видео уйдёт в сеть с подписью «студентка-агрессор». Тебя отчислят до обеда.

Она держала телефон слишком близко. Поверх видео всплыло сообщение от «Папа (Ректор)». Дарья поспешно смахнула его, но я успела прочесть начало: «Фальсификация данных...». Я запомнила первые слова. Ещё раз: фальсификация, данные. Пока Дарья грозила отчислением, я смотрела только на её большой палец. Стоило ему уйти от края экрана — телефон оставался разблокированным.

Я схватила телефон за верхний край и потянула к себе. Дарья держала его двумя пальцами, изображая, как сейчас отправит запись. Из них он выскользнул легче, чем я ожидала. Дарья ойкнула, попыталась забрать обратно, но я уже открыла переписку с её отцом и сделала скриншот. Окно переписки с «Папа (Ректор)». Текст: «Фальсификация данных по проекту Глеба согласована. Волков не должен знать источник утечки».

Дарья перестала тянуться к телефону. Она прочла то же самое через моё плечо, и теперь нам обоим было ясно, что запись драки больше не главный файл в этом разговоре. Отправила снимок на свой номер, пока Дарья читала через моё плечо, и только потом вернула ей телефон. Медленно. — У тебя есть десять секунд, чтобы удалить это видео, — мой голос был ровным, чужим. — Или этот скриншот появится в чате курса. И тогда твои «золотые клетки» рассыплются прахом.

— Из корзины тоже, — сказала я, когда она нажала «удалить».

Дарья вскинула голову.

— Ты совсем?..

Я молча достала свой телефон. Она полезла в корзину. Я дождалась, пока исчезнет миниатюра, и только тогда убрала телефон. Ладони мокрые, колени противно подрагивали; всё равно хотелось вернуться и ещё раз посмотреть на её лицо. Впервые ей пришлось делать то, что говорю я.

Вечером я сидела на кровати, перечитывая сохранённый скриншот. Отправить в чат? Или оставить до тех пор, пока не станет ясно, что именно они подделали? За день я уже трижды открыла окно отправки и закрыла его.

Глеб вошёл без стука. Я прикрыла телефон подушкой. Он заметил, но спрашивать не стал: поставил на стол аптечку.

— Руку.

— Зачем?

Он посмотрел на царапину у локтя. Я нехотя протянула предплечье. Глеб придержал его снизу и провёл по коже ватным диском с антисептиком. Я дёрнулась. Он ослабил нажим, подождал, пока перестану тянуть руку назад. У самой ранки оказался терпеливым. От этого было ещё труднее смотреть ему в лицо.

— Дарья — марионетка моего отца, — сказал он тихо, не поднимая глаз. — Ты сейчас бьёшь по кукле, а нити тянутся ко мне. Ты думаешь, ты спасла себя? Нет. Ты сделала меня более опасным для тебя.

Он положил на стол маленький металлический предмет. Ключ. Тяжёлый, старый, с гравировкой архива факультета.

— Если хочешь выжить, найди то, что спрятано там. Там доказательства того, что проект экзоскелета украден не тобой, а системой. Но помни: я буду знать, где ты была. Каждый шаг. Каждая секунда.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Дверь закрылась с щелчком.

Я проверила царапину. Он обработал её бережно, а говорил так, будто собирался содрать кожу. Хотелось, чтобы это был другой человек: один приходил с аптечкой, другой грозил отчислением. Тогда я хотя бы знала бы, кому открывать дверь.

На столе остался ключ. Глеб мог сам сходить в архив. Вместо этого отправлял меня. Значит, там было что-то, за что он не хотел отвечать первым.

Я взяла ключ за головку. Потёрла гравировку большим пальцем: архив факультета. Он оставил мне вещь, которую можно вставить в замок, а не очередное разрешение на словах. В архиве запишут мой вход. Пусть записывают. Я убрала ключ рядом с телефоном — скриншот нужно было проверить, пока Дарья не придумала новую версию.

В семь вечера я третий раз стёрла одну и ту же цифру. Палец нажимал соседнюю клавишу, хотя я смотрела на него. Отодвинула клавиатуру на ладонь — всё, ещё строка, и начну ошибаться в расчётах. Глеб стоял у окна. Я видела его лицо в стекле; он мог так же видеть, что я устала. Ему это не мешало.

— Цифра — это ложь, Алиса, — сказал он, не отходя от окна. — Ты можешь скопировать данные за секунды. Но ты не можешь скопировать внимание. Перепиши дневник наблюдений за крысами вручную. Все двести страниц. До утра.

Я прикинула: двести страниц, даже по три минуты на каждую — десять часов. Без туалета, без еды, без права свести судорогой кисть.

— А если почерк испортится, тоже переделывать?

Глеб посмотрел на меня через отражение в стекле. Отвечать не понадобилось. На странице 142 я уже заметила расхождение в показателях веса подопытных. Он тоже его видел? Если перепишу бездумно, улика против Дарьи затеряется среди цифр. Я придвинула журнал и отметила страницу полоской бумаги. Пусть думает, что заставил меня работать переписчицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.